

Ариадна Борисова

Член Союза писателей и Союза журналистов России, лауреат Большой литературной премии СП России (роман «Божья отметина», 2008); финалист Международной детской литературной премии им. В.Крапивина (повесть «Записки для моих потомков», 2010). Автор 11-ти книг, 14-ти песен для детей и юношества, иллюстратор детских книг, переводчи.

Было тепло, даже жарко, ветер не гудел. Значит, пурга кончилась. Сильные руки подняли и внесли её куда-то, лицо овеял парной дымный воздух. Пахло сырными шкурами. Костёр горел недалеко от входа, собиравшийся в лепетном столбом белёсого дыма и уходил в дыру на конусообразном потолке из шкур, где с перекладин свисали, когытась, окорока, одетые по бокам желтоватым салом. Булькала и кипело в котле над огнём. За меховой перегородкой поскрипывал снег, слышались взволнованные голоса и мягкий топот ног.

Ноющая боль кралась от коленей к бедам, к спине, отдавалась в локтях; тело дрожало от озноба. Мария проводила языком по выскохшему рту и попросила:

— Пить.

Иван Иннокентьев

Член Союза писателей и Союза журналистов России, ответственный секретарь журнала «Полярная звезда». Автор пяти сборников прозы и драматургических произведений: «Куст, котловый грел», «Некто и Некый», «Проклятые воители», «Свинцовая пушинка» и др. Заслуженный работник культуры, обладатель гранта президента Республики Саха в области театрального искусства. По его пьесам поставлены спектакли в театрах Якутска и других городов.

Всё бы хорошо, да вот древо треклятое, росшее у самого дома-балагана, мешало ему благоухать на склоне славно проведенного дня. Редкая удача для его брата боотура — иметь за спиной семь десятков прожитых годов. Тем паче, если три четверти из них проведены в седле боевого коня, в кованных доспехах...

***

Что он помнит из жизни своей? Пожалуй, первый поединок и убитого соперника. Такого же юнца, что и сам, только из другого племени. Как они бились тогда под горные выкрики поддерживавших их матерых бойцов!

По уму если, должны были сражаться в то затянутае болотном маревом утро не два желторотых птенца-подростка, а сами именитые тойоны. Или, на худой конец, два самых опытных боотура из вечно вовлеченных меж собой кланов. (Причинами раздоров служили спорные земли, убийство сородича и редко очень — похищение женщины чужого рода). На этот раз сыр-бор разгорелся из-за сенокосных угодий. Нешуточный повод для столкновения кровавого — в засухливое-то лето!

И, по взаимному уговору тойонов, выставили на посмеши-

Неясно, что за человек подошел к ней: мужчина или женщина? Уж очень старым было плоское, с маленьким приплюснутым носом и скопечными к вискам туманными глазами лицо; кожа, как кора дерева, вся в глубоких продольных морщинах. Опахнув кисло-сырым запахом старости, человек приподнял голову Марии, поднес к её рту ковш с водой. Вода не успела смешаться со льдом, талые льдинки тонко звенели о стенку ковша.

— Спасибо, — сказала Мария. — Всё-таки ты была женщина, в странном платье из выделанной замши, с длинной бахромой по рукавам и подолу. На завязках бахромы болтались крохотные, вырезанные из кости и ремня игрушки, железные трубочки и кольца.

Отложив ковш, старая женщина протянула к Марии костлявые коричневые руки: казалось, задушит, Мария инстинктивно отпрянула, старуха скрипучим голосом что-то пробормотала. Прохладные першавые её пальцы пробежали по лицу, коснулись лба и лгели на темя. Старуха запела. Мария не знала слов её языка, но — понимала. Песнь звала кого-то... Боль, разлитая в теле, начала потихоньку собираться к животу, потом затопила грудь, стеснив дыхание.

Старуха пела с закрытыми глазами, почти не разжимая губ. Древесное лицо её покрывало испариной, ручейки пота побежали по выальным вискам. Мозг Марии пронзило чёрным, ползучий ужас тёмных недр тянулось, вытигивалось к затылку и темени горе.

Раздался железный скрежет, тягучая боль отпустила. Тело взяла истома, ласковая, мягкая, почти младенческая, — Мария не помнила, когда она чувствовала себя так хорошо. Убаюкивающий голос слышался, как серебряный скрип снега, как мамина колыбельная...

Кто-то поил её бульоном. Жидкость, насыщенная непередаваемо сильным вкусом, была густой и жирной. Марию отпаивали часто и понемногу, затем сон без видений и грёз вновь охватывал её блаженством...

Вдруг она очнулась.

— Бот, стал ты, — с облегчением изрёк привезший её сюда старик. — Домой ехат нада.

— Разве вы не здесь живёте?

— Он махнул рукой. — Моя дом далеко-о. Эта дом — сын Кэтарис.

Он ткнул пальцем в древнюю старуху, одетую в просторное пёстрое ситцевое платье. Сидя на короточках у огня, та задумчиво пошевелила в котелке палочкой и курила трубку.

— У сын Кэтарис два дети, два сына. Они — там, олени смотрят, охраняют. Олень — тых-тых ногай,

Исцеленье

отрывок из романа

копат ягель-мох... Тебе домой нада? — спросил старик.

— Нада, — ответила Мария, подхватывая якутский акцент.

Она села и огляделась. По бокам мехового полога лежали свернутые рулонами меховые постели, возвышался комод, увенчанный большим эмальевым тазом со сложенным в него шапками, на устланном шкурами полу — пара кастрюль и чайник. Рядом навалены кожаные мешки и охотничье снаряжение, к стене прислонены обитые мехом лыжные снегоступы, похожие на ракетки для игры в теннис. Возле входа — несколько ящичков.

Старик спросил:

— Чай будешь?

— Нет, спасибо.

Он выпсал горсть чая в кружку с киятком.

Мария поднялась. Голова кружилась, но колени и локти, как ни странно, почти не тревожили.

— Я, наверное, пойду.

— Э-э, погоди! Чай пью — едем.

На собака едем. Мария присела в ожидании, удивляясь тому, что колени начали слушаться.

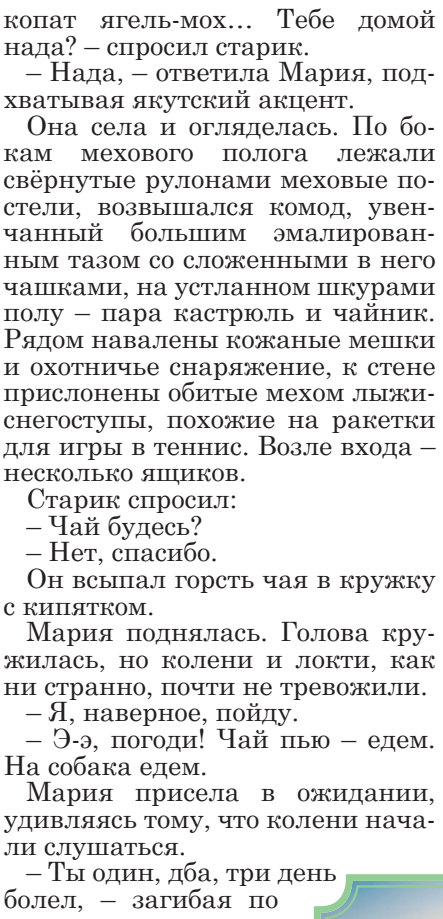
— Ты один, дба, три день болел, — загбная по

одному пальцу, сообщил словоохотливый старик. — Кэтарис тебя лечил.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила Мария старую женщину, и та, качнув головой, вперилась тусклыми глазами в огонь костра.

— Ты кричал, — шепнул старик. — Нехоросо, как болк кричал! Кэтарис — саман, лечил тобой голоба от плохой чёрный сон бот так — чик-чик, и выбросил сон далеко.

— Спасибо, — растерянно повторила Мария. Было неловко. Она не знала, чем отблагодарить спасителя.

запавшими и красными глазами. Он стал целовать её руки, лицо, мыча, как ребёнок.

Старик, глянув на несдержанного мужчину, отвёл глаза.

Мария обняла Ханма и почувствовала спазм счастья — короткий и острый, как взмах ножа по горлу.

Якут отвазал притороченный к задку нарт мешок и вывалил на снег оленьи стегно:

— Бот, подарок Кэтарис отправил.

И, странно довольным произведенным эффектом, он в щедрости

чувств добавил к подарку Кэтарис половину нельмы и несколько ряпушек из собачьего корма.

Ополумевшая от восторга Гедре подхватила стегно, потащила в дом... Юозас хотел нарезать мясо на суп или построгать нельму, но то и другое, промёрзнув, не поддавалось ною, а рубить топором пани Ядвина не позволила: могли пропасть драгоценные крошки. Радость, радость! Решили ядять, пока подарки оттают, чтобы взять ною.

Женщины носились по юрте, словно бы праздник. Это и был, впрочем, праздник, ведь напалась Мария, живая и невредимая. Все спрашивали её о приключении, о таинственной Кэтарис, приславшей великолепный подарок. Ханм хотел послушать, но якут с загадочным видом отозвал его за мешковину, отгораживающую нары.

— Бот, — зашептал он, — тут плохой сон от чёрный голоба! — С этими странными словами он сунул Ханму в руки берестяной тусок с крышкой, крепко перевязанный сырным ремешком, и предупредил: — Нету смотрет!

Тусок был маленький, но тяжёлый.

ше двух юннов. Впрочем, давно мечтавших свести в жестоком поединке счёты — не первый год соперничали они на праздниках-ыхсах!

Первые взявшие в руки оружие для настоящей схватки, они поначалу не слишком рьяно принялись за дело. И награждены были оскорбительными выкриками: «Зажемались девичьи наши, застеснялись!» «Вида крови боятся, в обморок, того и гляди, хлопнут!»

И горячее, дурманящее дыхание смерти, будто туманом алым, обволокло их сознание, застгло глаза. Враз поняли юноши, что одному из них суждено остаться здесь, на пятячке утоптанной земли. С перебитым ли позвонком, со сломанной ли шей иль с хищно вонзившимся в сердце острым клинком батаса — неважно. Важно было не дать сопернику проделать это с тобой, важно было самому УБИТЬ его.

«О, смотри, вот схватка так схватка! Слово подменили наших бойцов!» — толпа боотуров начала безумствовать уже от восторга. «И ведь не остановишь поединка-то, — перекрыв шум схватки, крики и хрипловое дыхание бойцов рассудительный голос тойона. Того, что падал с коня. — И настрой у обоих, и упорство, и выучка — будто одной пилы зубья...» Видно, не хотел тойон стать свидетелем смертельного исхода поединка, да, сожалея, смирился пред неизбежным-неминуемым. Суровые законы предков: нет заметного превосходства одного бойца над другим — биться им до смерти, никто не вправе остановит единоборство...

«Полднири под дылду, под удар, достаю ногу!» — советуют его врагу. Да и Сарыал не глухой — всё слышит. Не зря про него говорили старые боотуры: «Толк из долговязого выйдет. Лишь бы дожил до тех лет, когда в силу войдёт...» И потому, хотя и слышит Сарыал, что советуют его сопернику, не торопится менять занятую позу-стойку: а вдруг подвох?! Бою он, зная, всамделишный, коли разуна не потерял в пылу схватки.

Первоначальный запал всяк, кровавый туман, заставивший глаза, исчез. Теперь он играл со своим разъярённым противником, что кошка с мышью. Подраяд два раза будто раскрывал ненароком незащищённую левую ногу — рубил! В последний момент убирал, словно по игре случая. А когда этот дуралий полел за его ногой третий раз, отскочил в сторону, заранее рассчитав ВСЕ, и нанёс сокрушительный удар по спине врага.

Омерзительного хруста перерубаемых человеческих позвонков он долго не забудет. Да вот только

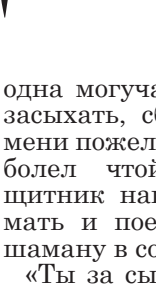
лишки! Короток ваш ум, не зорки ваши очи...

Оживёт скоро Древо, не убивайтесь! Вот привезу невестушку-красавицу из дальних далей, заведу дитяшек, затеют они весёлый танец-осуохаи вокруг него, и оживёт Древо. Пуще прежнего расцветёт!»

И на четвёртом десятке жизни решил Сарыал-боотур завести семью. Прослышал, что за дальней горой, в урочище близ Светлого ручья живёт-проживает тунгуска неопиусемой красоты. Был он к тому времени человеком с положением и подарком для будущей невесты не пожалел: мехами и серебряными подделками набил перемётные сумы трёх лошадей. Поехал женихаться, да как человек сторожкий — несопокойные были времена! — взял с собой де-

Древо

рассказ

сюток отборных бойцов. Половину пути проехать не успели, как донесли до их ушей нехорошую весть: выходит красавица-иноплеменка замуж за свертника-тунгуса и будет давние у них, едва ли не с малолетства, любовь да дружба... Другой жених неудачливый сплюнул бы с досады, засел бы где-нибудь в укромном местечке, напилсь бы до одури кумыса, погоревал бы день-другой в обществе друзей-соратников и повернул бы лошадей обратно. Да не такос Сарыал-боотур.

Не развернул он лямбимого коня мордой на юг, а плетью огрел, чтобы шибче бежал. Все десять боотуров, как один, устремились за ним... Обученные сызмальства искусству воинскому у лучших мастеров ратного дела, они с лёгкостью расправились с защитниками небольшого стойбища. Сарыал-боотур самолично, но без лишней жестокости, покончил с молодым тунгусом-соперником; разыскал желанную добычу свою среди насмерть перелуганных женщин. Смеея и крича: «Это вам выкуп за девушку ваншу!» — разбрался-раскидал по стойбищу привезённое добро; кусающуюся, царапающую красавицу велел привязать к седлу запасного смиренного коня.

Так и доехали до родных мест Сарыала-боотура: без шума и гамы, без радостной суеты и спешки. За дорогу долую красавица-пленница не проронила ни слова. Есть помалу — ела; ходила

по нужде — убегать не пыталась; да что-то странное заганлось в её глазах: жутковатое в своей нечеловеческой скорби. Не было в этом взгляде ни злости, ни жадности, ни даже обиды. Она всё думала, но о чём-то своём, недоступном...

Встретили пленницу в доме Сарыала-боотура приветливо. Мать его на удивление участливо отнеслась к горькой доле девушки. И когда та попросила через старую женщину, чтобы Сарыал трогал её девять дней, — тут же запретила сыну даже думать о чём-либо подобном до истечения назначенного срока.

На рассвете девятого дня Сарыал проснулся от истошного вопля матери. Выскочив из урасы с оголённым батасом, он будто наткнулся на железную стену,

— Тбой Марья сидел под большой снег, кричал. Уй, как страшно кричал, бытдо болк! Я подумал-подумал и ехал к Кэтарис. Кэтарис — саман, умный челообеки. Кэтарис смотрел голоба тбой Марья и сказал: «Сопсем голоба чёрный». Кэтарис лечил Марья, брал память и рубил плохой сон бот так: чик-чик. — Старик для пушей убедительности постриг пальцами воздух. — Сопсем плохой сон, болсой боль, как плохой челообеки, как немсы. Этот сон нада спускат море. Пуск тонет там, другая мир!.. Так сказал Кэтарис. Да.

Ханм качнул тусок: в нём, определённо, камень. Слышалось, как он тяжело бультгается.

— Ты не смотри, никто не смотрит! Сам бросай море, и тбой Марья будет сдоров.

От угощения якут отказался, отговорившись спешкой. Выйдя проводить спутерия жены, Ханм протянул ему серебряную ложку:

— Прощу, передайте, пожалуйста, Кэтарис за лечение. Это серебряно.

— Нет! — старик замотал головой и заложил руки за спину. — Кэтарис не брать ложку, Кэтарис не лечит за лоску... Так лечит. Челообеки, однако, не меняют. Мех меняют, еда меняют.

— Тогда вы возьмите. Вы же спасли Марию.

— Нет, — старик упряился. — Челообеки спасат так, помогают так, не нада ложку, когда другой челообеки плохо. Не нада денти.

...Ханм, не заглядывая в тусок, выбросил его в прорубь, как только пришёл к морю. Он склонен был верить тому, что рассказал старик. Осторожно расспрашивая жену о шаманке, о том, что случилось до пурги, во время её и после, Ханм убедился: Мария почти ничего не помнит. Она сказала, что Кэтарис утостила её бульоном и вроде бы мясом — вот всё, что жена запомнила за трое суток, проведённых в чуме у шаманки.

Больше ни он, ни остальные не видели старика-якута и не слышали о Кэтарис. Кочевые люди, зависящие от олени, уходят вслед за стадами, а тундра — широкая...

вечером, когда посвежело, вышли поразмяться на зелёный лужок возле Древа. И батасы звонкие не забыли захватить, и щиты, и доспехи. Какая у них — у боотуров потомственных — забава-развлечение, как не воинские игрища? Вытнувшись-высвали каждый из чорона своего без остатка веселящих душу кут — напиток настоящих мужчин, отбросили посуду и встали в позицию брат перед братом.

Дурь и муть в головах отяжелевших, а руки-ноги делают заученно работу привычную — сцепляться братья в ближнем бою; отпрянув, лихо рубят воздух батасами; играючи, молотят по щитам ладьями боевыми... Подустав, заходили они в прохладную урасу, подкреплялись кумысом животворным, жеребятиной жирной, карасями лакомилась языками. И беседовали, вспоминали былое, мечтали влух, как подадутся вместе в загадочную далёкую страну Виллой.

Беда заявилась неожиданно. Когда по третьему кругу вышли они на бой, поскользнулся на влажной от росы траве Нюргун и вместо того, чтобы прикрыть голову от удара братовой палицы, упёрся щитом в землю...

Что Сарыал? Подтянул он брата поближе к Древу, вырвал на скорую руку подобие могилы, уложил в неё Нюргуна в полном боевом облачении и закопал. Хорошо, догадался прежде дёрн сверху срезать, а потом аккуратно положить на место. Землю лишний на подворье раскидал-притоптал.

Как и надеялся он, народ решил: подался Нюргун в поисках лучшей доли в вольные боотуры на Виллой.

А Древо за ночь лишилось последней листы...

***

Всё бы хорошо, да вот Древо треклятое...

Старик кряхтя облачился в потускневшие боевые доспехи, вышел во двор и прошёл к привезённой ещё с вечера слугами из Священной рощи маленькой берёзке. Вырвал яму и осторожно, боясь повредить корешки, опустил в неё трепетно-хрупкий ствол. Принёс воды, полил напоил землю вокруг затрепетавшей листочками берёзки. В балагане снял со стены верой и правдой служивший ему столько лет батас. И, шепча под нос старинные заклятья, с размаху рубанул по чёрной плоти Древа клинком.

***

Утром их нашли лежащими рядом: срубленное Древо и Сарыала-боотура. Оба были мертвы.

А рыдлышком шумела листвою молоденькая берёзка...

***

Утром их нашли лежащими рядом: срубленное Древо и Сарыала-боотура. Оба были мертвы. А рыдлышком шумела листвою молоденькая берёзка...